

DOI:10.17805/zpu.2020.3.5

Ресурсы науки под названием «медиалогия»

П. Н. Киричѐк

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье анализируется одна из острых проблем современной социальной коммуникации и циркулирующей в ней информации, связанная с появлением симптомов функционального регресса в отечественной журналистике, перешедшей в 90-х гг. XX в. из одного хронотопа — медийного режима (бытия прессы в условиях зависимости от власти, идеологического монополизма, политической цензуры) в другой хронотоп — медийный рынок (бытие прессы в условиях автономии от власти, идеологического плюрализма, отсутствия цензуры). Несмотря на улучшение общественных условий для журналистской деятельности, «рыночная» пресса допускает значительное снижение уровня семантики и стилистики газетного текста (телепрограммы, радиопередачи, интернет-блога) по сравнению с «режимной» прессой.

Мониторинг отечественной журналистики показывает, что качественный реверс массово-информационного продукта в пореформенный период объясняется явным отставанием теории от практики в сегодняшнем арсенале журналистики, которая часто воспринимается профессией на уровне ремесла, правда, обладающего творческим характером. Однако ни один общественный институт, и пресса в том числе, не может прогрессировать, если он зацикливается на эмпирическом ресурсе развития и игнорирует ресурс теоретический. Без качественной теории не бывает высокопродуктивной практики, и в этом смысле теория является поводом для практики.

На повестке дня стоит вопрос о повышении уровня научности в структурно-функциональном пространстве журналистики как важного компонента внешнего и внутреннего факторов ее последующего развития. С одной стороны, знание теории обновляет изнутри горизонт креативных исканий журналиста, что способствует превращению хорошего ремесленника в классного профессионала. С другой стороны, наличие теории позволяет извне экспертировать все слагаемые журналистской деятельности, что помогает постоянному ее совершенствованию. С учетом этих обстоятельств требуется сведение всего научного багажа прессы — прошлого, настоящего, будущего — в именную науку о журналистике под названием «медиалогия».

Ключевые слова: журналистика; теория; пресса; практика; общество; медиарежим; фактор; медиарынок; наука; медиалогия

ВВЕДЕНИЕ

К настоящему времени журналистика состоялась как отрасль гуманитарной науки, но дефицит теории и профицит практики в массмедийной деятельности остается фактом и сегодняшней информационной действительности. В этой связи в научный дискурс о прессе требуются дополнительные вложения теоретического характера, которые отражают ее движение в границах опорных категорий — факта, понятия, образа, и, в частности, многосторонней трактовки самого термина «журналистика», а также нового подхода к толкованию ее миссии, структуры, профилей и функций.

До сегодняшнего дня устоявшиеся в теории прессы определения, нуждающиеся в концептуальной корректировке, приобретают в ее результате дополнительные смыслы и акценты, которые в новом ракурсе трактуют цели и задачи журналистики в демократическом обществе. С этой дискурсивной площадки можно выходить на интегральное определение журналистской отрасли социально-гуманитарного знания под рабочим названием «медиалогия».

ИНЕРЦИЯ ПРАКТИЦИЗМА

Всего полвека назад сочетание двух понятий «теория» и «пресса» считалось большим преувеличением среди классических специалистов-гуманитариев — филологов, историков, философов, социологов, культурологов. В то время они солидарно утверждали, что нет такой науки под названием «журналистика», а есть лишь профессия на уровне ремесла, правда, творческого характера, но все же не требующая особых теоретических изысков. Если и проглядывали в повседневной ауре журналистики намеки на теорию, то только в виде заимствований из смежных гуманитарных наук. При этом рабочий арсенал прессы сводился к апробированной на практике сумме профессиональных приемов, уместящихся в технологических рамках третичного процесса журналистской деятельности, конкретно: выбора темы, сбора и обработки материала, литературного его оформления.

Ярко выраженный технологизм и сопутствующий ему практицизм журналистики как профессиональной деятельности, подчиненной конвейерному ритму работы печати, радио, телевидения, делал на первый взгляд излишним моментом наличие в ее периметре обширного теоретического фундамента. Да и сейчас «в широком академическом сообществе еще не изжит скепсис по отношению к смысловой сочетаемости журналистики и теории» (Корконосенко, 2014: 3), который по инерции переходит в сферу массово-информационной практики, что негативно отражается на эффективности работы прессы и профессиональных навыках служителей пера, камеры, микрофона, онлайн-сети.

Разумеется, кристаллы теории чаще всего рождаются в процессе практики и обнаруживают прямую от нее зависимость. В то же время эти кристаллы обладают свойством обратного воздействия, а именно без качественной теории не бывает продуктивной практики. В этом смысле теория является поводом для практики, поскольку помогает индивиду (коллективу) вначале решить общие проблемы профессиональной деятельности, без чего любой ее представитель будет затем непрестанно спотыкаться на частных проблемах творчества.

На самом деле знание теории расширяет кругозор творческой личности, укрупняет масштаб мышления, повышает эрудицию автора, увеличивает объем его компетентности, продвигает уровень его умелости, избавляет от склонности к повторению пройденного, способствует непрерывному профессиональному росту. Знание теории постоянно обновляет горизонт креативных исканий журналиста, если он, конечно, сам стремится к такому продвижению. Знание теории является хорошим противовидем от возможных штампов и трюизмов, готовых соскочить с «языка» журналиста при возрастающей скорости протекания творческого процесса. Наконец, знание теории «своего» дела превращает хорошего ремесленника в высококлассного профессионала.

Однако такая деятельная метаморфоза случается при одном обязательном условии: если теория не стоит на месте, если она не стагнирует и не отгораживается от практики, если она находится в постоянном движении и в целом модернизируется в превращениях и приращениях парадигм, понятий и категорий. С этих позиций фиксированный сегодняшним днем теоретический арсенал журналистики, помимо глубокого обобщения уже накопленного знания, требует новых значительных корректировок в следующих научно-проблемных аспектах:

— трактовка многозначности понятия «журналистика» и его восприятие как творческой деятельности, системы массмедиа, научной подотрасли, социальной профессии (вузовской специальности);

— рассмотрение различных определений журналистики с целью их универсализации на основе изменения идеологических, технологических, юридических, этических условий функционирования прессы;

— толкование общепринятой миссии журналистики в рамках социокультурной специфики бытия и сознания постиндустриального общества, корректирующего изначальный характер предназначения прессы;

— обоснование нового подхода к установлению главных функций журналистики в границах инновационной миссии прессы с формулированием их конкретного содержания и целеполагания;

— выявление типологических особенностей информационного пространства в пределах двух его модусов — медийного режима (бытия прессы в условиях зависимости от власти, идеологического монополизма, политической цензуры) и медийного рынка (бытия прессы в условиях автономии от власти, идеологического плюрализма, отсутствия цензуры) — с определением их позитивных и негативных признаков и свойств;

— осмысление универсального по своей значимости духовно-практического продукта журналистики с его классификацией на два основных вида: общий — «информационная культура» и единичный — «медийный текст».

— уточнение статусно-ролевого положения журналистики в системе «общество — пресса — государство» с определением возможных диспозиций ее социальных субъектов;

— сведение прежнего и нового теоретического багажа журналистики как профессиональной деятельности и системы массмедиа в общий периметр гуманитарной науки под названием «медиалогия».

Как всякая социально значимая профессия и возникающая внутри ее корпоративная аура, журналистика появляется в результате общественного разделения труда, когда в пределах масштабной людской общности фиксируется установившаяся потребность: во-первых, в необходимой для повседневной жизни какой-либо материальной или духовной продукции и, во-вторых, в способной ее производить и поставлять социуму группе людей (специалистов). В этом смысле журналистика мало чем отличается от иной профессии (типа слесаря, шофера, геолога, учителя, космонавта), генезис которой проистекает из сформировавшегося общественного запроса и круга призванных его обслуживать умельцев. Это характерный момент зарождения любой профессии, которая «означает род трудовой деятельности (занятий) людей, владеющих комплексом теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы» (Сви-тич, 2000: 110).

Разумеется, если профессия со временем не отмирает за ненадобностью, как сейчас это происходит с бухгалтером, охранником, стенографистом, корректором и др., то ее принципы, нормы, атрибуты в ходе исторического процесса претерпевают существенные изменения. Они расширяются, углубляются, модернизируются, так как вбирают в себя характер каждой пройденной эпохи и кристаллизуют набирающий объем и улучшающий качество субстрат духовно-практического опыта. Этот профессионально-нравственный субстрат передается из поколения в поколение, его рабочий арсенал постоянно инвентаризируется и совершенствуется, одна его часть остается в прошлом, вторая адаптируется к настоящему, а третья часть проявляет позывы к будущему.

Столь многосложный путь становления и развития проходит и журналистика как деятельность и профессия с четким целеполаганием на ориентацию людского рода в событиях и явлениях действительности: от эпох позднего Средневековья, Ренессанса, Просвещения до Нового и Новейшего времени — от сделанных гусиным пером на писчей бумаге сообщений о том, где, что, когда в подлунном мире производится, продается и покупается, до набранных на компьютере известий о том, где, что, когда в окружающей среде происходит и каким образом — позитивно, негативно, нейтрально, — все это происходящее связывается с повседневной жизнью человека, различными аспектами его труда, быта, досуга.

Прогресс журналистики происходит на двух магистральных направлениях, которые обозначаются двумя векторами — содержательным (идеологическим) и формальным (технологическим). Экспансия содержания прессы, со временем забирающей в свой предмет отображения все больший круг тем, проблем, сюжетов, неизбежно вызывает модернизацию ее формы, рекрутирующей все новые приемы и способы производства и распространения медийной продукции. А что здесь первично и что вторично: идеология (содержание) или технология (форма) — вопрос схоластический.

Правда, при переходе журналистики из одной эпохи в другую нередко возникает проблема передачи духовно-практического опыта из прошлого в настоящее. Порой она оборачивается «сбрасыванием» лучших перьев с парохода современности, причем делается это с запредельным практицизмом, сдобренным просветительско-напористым нигилизмом и агрессивно-критической предубежденностью: «На вопрос, готов ли я что-то взять из той журналистики, я отвечаю: нет, потому что неоткуда брать» (Пархоменко, 2000: 388).

В согласии с диалектикой вместе с развитием общества закономерно трансформируются все рабочие механизмы системы социального воспроизводства, которые относятся к его материальной и духовной отраслям, в том числе и к сектору журналистики. Со временем значительно выросший в обществе ролевой статус журналистики, а также происшедшие в ее рамках деятельностные, структурные, функциональные изменения обусловили появление именной науки о прессе, которую вначале пытались называть громоздким термином «журналистиковедение» с незначительными заранее шансами на то, чтобы он прижился в ученом лексиконе.

РИФЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Главный вопрос, который стоит перед любой наукой, в том числе гуманитарного профиля, заключается в формулировании краткого и развернутого определения той общественно значимой сферы деятельности, изучением которой занимается данная отрасль социально-гуманитарного знания. В трудах известных теоретиков журналистика на сегодняшний день получила несколько определений, в первую очередь в структурно-функциональном аспекте. В одном варианте журналистика предстает как «система средств массовой информации, компоненты которой взаимосвязаны и функционируют на основе прямых и обратных связей» (Прохоров, 2003: 15). В другом варианте журналистика трактуется в качестве «общественной деятельности по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации (через печать, радио, телевидение, кино и т. п.)» (Корконосенко, 2001: 3). В третьем варианте журналистика как «деятельность» «в газетах, журналах и других СМИ» дополняется «различными формами и результатами этой деятельности» (Землянова, 2004: 179).

В целом, этот набор определений отвечает сущности журналистики, но уже сказывается их содержательная недостаточность в условиях информационного общества, когда миссия и функции журналистики трансформируются до такого уровня (вплоть до конвергентной и цифровой разновидностей), что она уже востребует в своем определении отдельные семантические инновации, фиксирующие происходящие в медиасреде изменения. Они связываются с быстрой модернизацией сегодняшней журналистики как деятельности и системы СМИ в двух направлениях: а) по линии идеологии (контента), когда пресса от роли информатора и аналитика переходит к ипостаси интегратора, координатора, регулятора общественной жизни; б) по линии технологии (формата), когда она, наряду с печатным и электронным текстами, активно осваивает цифровой аналог.

С учетом произошедших в обществе перемен, а также изменений в идеологии и технологии прессы требуется внести коррективы в общепринятое определение журналистики, но при этом не допустить чрезмерного его разрастания вопреки правилу краткости:

а) увязать определение журналистики с базовыми мегацелями повседневной жизни общества, находящегося в состоянии самосохранения и развития, — этому способствует беспрепятственное получение всеми гражданами качественной (объективной, правдивой, достоверной) социально значимой информации, регулярно поставляемой в больших объемах с помощью существующей системы массмедиа;

б) отразить в искомом определении этико-правовую специфику журналистики как публичной творческой деятельности, которая в обязательном порядке регулируется извне и изнутри принятыми обществом и государством «правилами игры» в образовавшемся медийном пространстве — этому соответствует необходимость соблюдения принципа социальной ответственности служителями прессы за написанное, сказанное, показанное;

в) дополнить определение журналистики перечислением каналов массовой коммуникации, с помощью которых социальная информация обретает новые методы, способы, приемы ее производства, распространения, потребления за счет современных технико-технологических достижений, но в то же время не теряет что-либо из ранее освоенного (к примеру, печать и радио).

Движение инноватики и архаики — это суть развития любого социального объекта, процесса, явления. Так и в журналистике, где инновационные средства постепенно замещают архаичные аналоги информационно-производственного конвейера. Сегодня журналистика становится конвергентной, или мультимедийной, она снабжает общество необходимой информацией на различных контент-платформах — печатной, аудиальной, визуальной, сетевой. При этом журналист превращается в универсального «многостаночника», способного работать во всех профилях массовой коммуникации и совмещать в одном информационном продукте различные креативные элементы — слово, цифру, звук, кадр.

В итоге на основании выделенных признаков и свойств современной медиасреды в научный оборот вводится новое определение журналистики — это профессиональная творческая деятельность по сбору, обработке и распространению актуальной социальной информации в массовой (печатной, электронной, сетевой) коммуникации в целях самосохранения и развития общества с учетом действующих этико-правовых норм.

В настоящее время термин «журналистика» становится столь многозначным по определению, что уже нередко создает трудности его толкования и даже путаницу

при употреблении в различных вариантах. Образно выражаясь, сейчас он походит на рождественскую елку, которая того и гляди упадет под тяжестью нацепленных на нее игрушек, явно излишних для ее первоначального назначения и адекватного антуража. В такой ситуации, естественно, возникает конкретное рациональное предложение — договориться по этому вопросу в кругу специалистов и разгрузить основополагающий термин от некоторых рядоположенных смыслов по методу их замещения наиболее подходящими синонимами.

Ключевыми значениями генерализованного термина «журналистика» следует считать: а) понятие «деятельность» (креативный процесс, творческая работа), на основании которого формулируется вышеназванное универсальное определение журналистики, занятой конвейерным обеспечением всех сфер общества необходимой для их существования и развития информацией; б) прилегающее к нему понятие «профессия» (как вузовская специальность, трудовая принадлежность), которая официально значится в соответствующем перечне Трудового кодекса Российской Федерации и которой обучают студентов (бакалавров, магистров) на специализированных факультетах и отделениях университетов страны.

Предложение заменить журналистику в значении «деятельность» иным термином — «журнализм» — выглядит, с одной стороны, заманчивым вариантом, но, с другой стороны, имеет ли смысл реанимировать хоть и красиво звучавшие, но устаревшие в настоящее время слова, подобные «дубраве, устам, ланитам, таперу, деснице» и др. Как специальный термин, журнализм звучал в начале печатно-издательского XIX в. вполне адекватным образом, но сейчас на дворе электронно-сетевой XXI в., просеявший прежнюю лексику и оставивший к употреблению другую...

Далее, термин «журналистика» в значении генеральной совокупности печатных, электронных, сетевых средств массовой информации, в пределах которой происходит означенная деятельность, лучше заменить (не ради моды) термином «медийная система (медиа-система)». Интеграционный характер этого термина позволяет точнее отражать взаимопроникающие тенденции идеологического и технологического развития информационного пространства мира, страны, региона в современных условиях, когда журналистика как деятельность становится универсальной, полифоничной, конвергентной и обретает способность производить и распространять свою духовно-практическую продукцию в самых различных контентах и форматах.

Наконец, значение термина «журналистика» как «сегмента гуманитарной науки» недавно появилось в ответ на запросы социальной практики и уже сформировалось в пределах собственного объекта, предмета, понятийно-категориального аппарата и методологии исследований. Исток научного сегмента ясен: каждая устоявшаяся в общественной жизни форма деятельности нуждается не только в самооценке изнутри, профессионалами-практиками, но и в оценке извне, профессионалами-теоретиками, иначе она остановится на месте и не будет развиваться. Любой делающий конкретную практику отряд специалистов должен соседствовать (сотрудничать) с другим отрядом специалистов, делающим адекватную теорию, т. е. изучающим прошлое, настоящее, будущее социально значимой деятельности на основе постоянного ее анализа, синтеза и прогноза.

СЕГМЕНТ НАУКИ

По отечественной традиции вновь возникающий сегмент гуманитарной науки, как правило, именовали лексическим гибридом — наименования исследуемой деятельно-

сти в сочетании со словами «ведение» (например, природоведение), или «знание» (например, искусствознание), или «логия» (например, геология). И в нашем случае на первых порах в научном мире звучал термин «журналистиковедение», но ввиду его стилистической громоздкости и вербальной неудобоваримости он в скором времени перестал употребляться. Конечно, отрицательный опыт — тоже опыт, причем порой весьма полезный, но только если за отрицанием делается новая попытка утверждения чего-либо более достойного, чтобы все же решить этот вопрос: как все-таки точнее назвать науку о журналистике?

Скорее всего, специалистам — и практикам, и теоретикам — следует исходить из того факта, что в XXI в. в нашей лексике получил широкое распространение термин «медиа» в силу его универсальности и лапидарности. Хотя он в переводе с иностранного означает «средство, посредник» и для его привязки к журналистике нужно добавлять слово «масс» (массовый), тем не менее в русской речи термин «медиа» чаще всего употребляется в относящихся к публичной сфере значениях — как система средств массовой информации, как профессиональная журналистская деятельность, как ее информационно-аналитическая продукция, как информационная отрасль социального воспроизводства, как информационный ресурс (фактор) развития общества. В общем, буквально ко всему, что касается коловращения социальной информации в обществе, но только (подчеркиваю!) в границах массовой коммуникации с ее субъектом и объектом, коммуникатором и реципиентом.

Правда, есть иной теоретический посыл, заявленный в недавнем времени в ученом дискурсе, с трактовкой медиалогии как науки на основе иностранного (расширительного) толкования термина «медиа» (средство, посредник), предполагающего максимально широкий забор общественных связей и их эмпирических проявлений в действительности: «Речь идет о синтетической гуманитарной науке, которая опирается на основы культурологии и семиотики, философии и политологии, педагогики и менеджмента» (Кириллова, 2013: 6). При этом утверждается: «...в структуру новой науки входят такие направления, как “История медиа”, “Медиакультура”, “Медиа семиотика”, “Медиа философия”, “Медиа политика”, “Медиа менеджмент”, “Медиа педагогика”; особый интерес для исследователей и практиков может представлять сфера медиа искусства (техно-арт, сетевое искусство) и медиа критики. В условиях тотального воздействия медиа на общественное сознание, образ жизни, нравственные ценности личности немаловажная роль принадлежит медиа этике и психоанализу медиа» (там же: 8).

Любая гуманитарная наука требует не только интенсивного (внутреннего) вектора развития, но и экстенсивного (внешнего), или количественного приращения новых исследовательских полей, в том числе на междисциплинарном уровне. Наука, которая не обладает точным инструментарием, как в математике, физике, геометрии, нуждается в непрерывной подпитке новыми гипотезами, идеями, концептами, дающими стимул к развитию и проходящими проверку в полемическом дискурсе. В свое время указывалось на главный недостаток нашей гуманитарной науки (применительно к литературоведению): «Нет смелой постановки общих проблем, нет открытий новых областей или отдельных значительных явлений... нет настоящей и здоровой борьбы научных направлений, господствует какая-то боязнь исследовательского риска, боязнь гипотез» (Бахтин, 1986: 501)

Отсюда следует, что востребованный заказ на масштабные проекты для ученого-гуманитария был и остается креативным приоритетом. Тем не менее вброс гипотез

в научный дискурс нуждается в строгой логичности, обоснованности, методичности для того, чтобы не выходить в последующем на неясные перспективы с необозримым горизонтом. В данном случае мегауниверсальная нарезка профилей предполагаемой науки расширяет ее объект до бесконечности, а ее предмет размывает до неосвязаемости (за «средство» можно принять и деньги, связующие производителя и потребителя, продавца и покупателя, а за «посредника» — и сваху, соединяющую мужской и женский пол брачными узами).

В итоге феномен «медиа» в таком толковании превращается в явление вселенского масштаба, затмевающее собой все остальное, присутствующее в общественной жизни, а сам термин становится в один ряд с базисными категориями мирового устройства, типа «вещество» и «энергия». Наконец, в этом замысле изначально закладываются серьезные риски: по форме — неизбежная экспансия медиалогии в пространство других наук, а по содержанию — многопрофильная эклектика. Кстати, подобный гиперпроект (Юзвизин, 2000) уже встречался недавно в научной практике и даже отчасти осуществился, но там речь шла о феномене «информация», которую на самом деле в постиндустриальном обществе по глобальной ее значимости можно поставить рядом с общепризнанными монадами вселенной — «вещество» и «энергия».

Ближе всего по содержанию к термину «медиа» подходит весьма популярный термин «пресса», если не употреблять его как синоним «печати». Есть даже широко известный труд о теории прессы (Сиберт, Шрамм, Питерсон, 1998), который изучается в вузах не только в истории зарубежной журналистики, но и в рамках общей науки о журналистике, ведь он заявляет в ученом дискурсе фундаментальные представления о социальной природе данного вида общественно значимой деятельности и типологической его эволюции в сравнительном аспекте. Однако любая попытка на базе этого термина образовать название науки о журналистике приводит к лексическим несуразностям — например, «прессоведение», «прессознание», «прессология» и др. Ни один из названных вариантов не выглядит удачным. Да и обойтись другим, часто употребляемым, двусловным (неудобным) обозначением науки о журналистике — «теория прессы» — тоже неправомерно: в этом случае из поля зрения науки выпадает прикладной ее ресурс.

В силу назревшей необходимости отдельные движения теоретической мысли, заявлявшие медиалогию в качестве науки о журналистике, уже фиксировались в социально-гуманитарном знании. Давались и черновые ее определения — впрочем, даже в пунктирном плане они хорошо улавливали ее сущность, задачи и функции, например: «Медиалогия — это система анализа информации из открытых источников газет, журналов, телевидения, радио, информагентств, интернет-ресурсов и др.» (Лозовский, 2007: 134). В этом определении термин «медиа» предполагает прямую его привязку к средствам массовой информации, их деятельности и ее продукции — и более ни к чему другому, что вполне соответствует устоявшимся границам его применения в современном отечественном лексиконе.

Сходная установка на родственную связь термина «медиа» с журналистикой (и только!) проглядывает в следующем тезисе обобщающего характера: «Медиалогия — это наука о средствах массовой информации, содержащая весь спектр законов и закономерностей функционирования журналистики в обществе, в том числе исторически обоснованные предшествующие суждения и знания (дискурс) о ней» (Бусленко, 2013: 6). В первом приближении для уяснения сути вопроса этой формулиров-

ки вполне достаточно: объект и предмет новой-старой науки обозначается здесь в оптимальном варианте — не широко и не узко. С этой площадки уже можно выходить на рабочее определение медиалогии как журналистской отрасли социально-гуманитарного знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, смысловая емкость слова «медиа» и удобная при использовании краткость позволяют заявить в общественный дискурс новый вариант названия науки о журналистике в качестве мегатермина «медиалогия». Это отрасль гуманитарной науки о контенте и формате журналистики как о творческом сегменте информационно-вещательной деятельности в обществе с ее миссией и функциями, структурой и ресурсами, законами и закономерностями становления и развития. Что касается небольшой в данном случае аберрации термина «медиа» в отношении исходного его значения, то этим обстоятельством можно пренебречь. При экстраполяции иностранных слов в отечественную вербальную сферу порой происходят куда более существенные смысловые метаморфозы: например, пришедшее в Россию из немецкого языка слово «биржа» (в переводе — «кошелек») долгое время у нас означало стоянку готовых к ездовым услугам извозчиков с лошадьми...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1986) Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит. 543 с. С. 501–508.
- Бусленко, Н. И. (2013) Предисловие / Смеюха, В. В. Вопросы медиалогии. Ростов н/Д. : Изд-во РГУПС. 324 с. С. 6–7.
- Землянова, А. М. (2004) Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та. 416 с.
- Кириллова, Н. Б. (2013) Медиалогия как синтез наук. М. : Академический проект. 368 с.
- Корконосенко, С. Г. (2001) Основы журналистики. М. : Аспект Пресс. 287 с.
- Корконосенко, С. Г. (2014) Введение. Почему история теорий? // Теория журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2014. 272 с. С. 3–9.
- Лозовский, Б. Н. (2007) Журналистика и средства массовой информации: Краткий словарь. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та. 306 с.
- Пархоменко, С. Б. (2000) Журналистика прошлого и настоящего — две разные профессии // Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / авт. и исполн. проекта А. И. Волков и др. М. : Изд-во Моск. школы полит. исследований. 616 с. С. 384–404.
- Прохоров, Е. П. (2003) Введение в теорию журналистики. М. : Аспект Пресс. 367 с.
- Свитич, Л. Г. (2000) Феномен журнализма. М. : Факультет журналистики МГУ. 252 с.
- Сиберт, Ф., Шрамм, У., Питерсон, Т. (1998) Четыре теории прессы. М. : Вагриус. 224 с.
- Юзвишин, И. И. (2000) Основы информациологии. М. : Высшая школа. 506 с.

Дата поступления: 10.05.2020 г.

RESOURCES OF A SCIENCE CALLED “MEDIALOLOGY”

P. N. KIRICHEK

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article analyzes one of the acute issues of modern social communication and information circulating in it, associated with the appearance of symptoms of functional regression in Russian journalism, which passed in the 1990s from one chronotope — the media regime (the existence of the press

under conditions of dependence on the government, ideological monopoly, political censorship) into another chronotope — the media market (the existence of the press under conditions of autonomy from the government, ideological pluralism, absence of censorship). Despite the improvement in social conditions for journalistic activity, “market” press allows for a significant decrease in the level of semantics and style of newspaper text (TV programs, radio programs, Internet blogs) in comparison with “regime” press.

Monitoring of domestic journalism shows that the qualitative reverse of the mass information product in the post-reform period is explained by the obvious lag between the theory and practice in today’s arsenal of journalism, which is often perceived as a profession at the level of a craft, though having a creative nature. However, not a single social institution, including the press, can progress if it dwells on the empirical resource of development and ignores the theoretical resource. There is no highly productive practice without quality theory, and in this sense, theory is the guide of practice.

On the agenda is the question of a comprehensive increase in the level of scientific knowledge in the structural and functional space of journalism as an important component of the external and internal factors of its subsequent development. On the one hand, knowledge of the theory renews the horizons of creative searches of a journalist from within, which contributes to the transformation of a good artisan into a classy professional. On the other hand, the presence of a theory makes it possible to examine all the components of journalistic activity from the outside, which helps to constantly improve it. Taking these circumstances into account, it is required to bring all the scientific baggage of the press — past, present, future — into a personal science of journalism called “medialogy”.

Keywords: journalism; theory; press; practice; society; media regime; factor; media market; science; medialogy

REFERENCES

Бактин, М. М. (1986) *Ответ на Вопрос Редакции «Нового Мира»*. In: Бахтин, М. М. *Литературно-Критические Статьи*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura. 543 p. Pp. 501–508. (in Russ.).

Бусленко, Н. И. (2013) *Предисловие*. In: Смейуха В. В. *Вопросы Медиаологии*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo RGUPS. 324 p. Pp. 6–7. (in Russ.).

Землянова, Л. М. (2004) *Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов*. Moscow, Moscow State University Publ. House. 416 p. (in Russ.).

Кириллова, Н. В. (2013) *Медиаология как синтез наук*. Moscow, Akademicheskij Proyeckt. 368 p. (in Russ.).

Корконосенко, С. Г. (2001) *Основы журналистики*. Moscow, Aspekt Press. 287 p. (in Russ.).

Корконосенко, С. Г. (2014) *Введение. Почему история теорий?* In: *Теория журналистики в России: зарождение и развитие* / ed. by S.G. Korkonosenko. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ. 272 p. Pp. 3–9. (in Russ.).

Лозовский, В. Н. (2007) *Журналистика и средства массовой информации: краткий словарь*. Ekaterinburg, Ural State University Publ. 306 p. (in Russ.).

Пархоменко, С. В. (2000) *Журналистика прошлого и настоящего — две разные профессии*. In: *Пресса в Обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы* / the author and executor of the project A. I. Volkov et al. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh isledovanij. 616 p. Pp. 384–404. (in Russ.).

Прохоров, Е. П. (2003) *Введение в теорию журналистики*. Moscow, Aspekt Press. 367 p. (in Russ.).

Свитич, Л. Г. (2000) *Феномен журнализма*. Moscow, Faculty of Journalism of Moscow State Univ. 252 p. (in Russ.).

Сиберт, Ф., Шрамм, У., Питерсон, Т. (1998) *Четыре теории прессы*. Moscow, Vagrius. 224 p. (in Russ.).

Юзвизин, И. И. (2000) *Основы медиаологии*. Moscow, Vysshaya Shkola. 506 p. (in Russ.).

Submission date: 10.05.2020.

Киричѐк Петр Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: 8 (499) 374-60-91. Эл. адрес: kpn54@yandex.ru

Kirichek Pyotr Nikolayevich, Doctor of Sociology, Professor, Department of Journalism, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: 8 (499) 374-60-91. E-mail: kpn54@yandex.ru

DOI:10.17805/zpu.2020.3.6

Несовершенное творение: миф о происхождении искусств в интерпретации Бернарда Стиглера

Б. В. ПОДОРОГА

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

В настоящей статье анализируется интерпретация мифа о происхождении искусств Гесиода и Платона французским философом Бернардом Стиглером.

Цель анализа — описать проводимую Стиглером деконструкцию метафизического понимания генезиса техники.

Будет представлена общая логика деконструкции Жака Деррида и показана ее рецепция Бернардом Стиглером.

*В частности, будет показано, что деконструкция для Стиглера — это не только способ анализа текстов, но и средство выявления имманентной логики истории техники и человека. Общепринятое понимание центрального для упомянутых мифов сюжета о героизме титана Прометея, передающего людям творческий дар, является, по Стиглеру, неверным. В действительности речь идет о разрушении божественного порядка, связанного с концепцией ошибки Эпиметей, забывшего включить в этот порядок человека. Прометей является проводником ошибки: его дары огня и *techné* оказываются разрушительными для человека.*

Особое внимание уделяется дерридианскому концепту различания, который используется Стиглером для того, чтобы наметить модель объективного генетического анализа техники и не власть в культурпессимизм, аналогичный метафизическому технооптимизму. Концепт различания позволяет Стиглеру на примере сюжета о дарах Гермеса показать, каким образом техника может быть усвоена на уровне делиберативной политики и тем самым стать структурообразующим фактом человеческой истории.

Ключевые слова: Бернард Стиглер; вина Эпиметей; Прометей; деконструкция; техника; ошибка; различание

ВВЕДЕНИЕ

Антропологическое значение мифологии хорошо изучено. Начиная с древних времен и заканчивая современной эпохой мифология занимает одно из ключевых мест в существовании человека. В архаических обществах мифология играла структурообразующую роль, определяя функционирование религиозных, культурных, социальных и политических институтов. В этот период времени, по выражению Артура Хокарта, миф был инстанцией, «дарующей жизнь» (Hocart, 2004). В определенный период времени считалось, что миф стал видом литературного вымысла, имеющего лишь культурно-эстетическое или назидательное значение, в лучшем случае являясь